

М. Горький

Песня
о Буревестнике

2

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

М. Горький

Песня
о Туревестнике

Песня о Соколе

Рисунки Ю. Рейнера

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1979

Над седой равниной моря ветер тучи собирает.
Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы:

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Ча́йки сто́нут пе́ред бу́рей, — сто́нут, ме́чутся над мо́рем и на дно его́ гото́вы спрятать у́жас свой пред бу́рей.

И гага́ры то́же сто́нут, — им, гага́рам, недо́ступно наслажде́нье битвой жи́зни: гром уда́ров их пуга́ет.

Глу́пый пингвин ро́бно пря́чет те́ло жи́рное в утёсах... То́лько го́рдый Буре́вэстник ре́ет сме́ло и сво́бодно над се́дым от пе́ны мо́рем!

Все́ мрачне́й и ни́же ту́чи опу́скаются над мо́рем, и по́ют, и рву́тся во́лны к высоте́ навстре́чу гро́му.

Гром грохо́чет. В пе́не гнева́ сто́нут во́лны, с ве́тром спо́ря. Вот охва́тывает ве́тер ста́и волн объя́тjem крѣпким и броса́ет их с разма́ху в ди́кой зло́бе на утѣсы, разби́вая в пы́ль и бры́зки изумру́дные гро́мады.

Буревестник с криком реет, чёрной молнии подобный, как стрелá пронзáет тучи, пёну волн крылом срываёт.

Вот он носится, как демон,— гордый, чёрный демон бури,— и смеётся, и рыдáет... Он над тучами смеётся, он от радости рыдáет!

В гнэве грóма,— чуткий демон,— он давнó усталость слышит, он уверен, что не скрóют тучи солнца,— нет, не скрóют!

Вéтер вóет... Гром грохóчет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отражéнья э́тих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гнэвно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

Песня
о Соколе

Море — огромное, лениво вздыхающее у берега, — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звёзд. Кажется, что небо всё ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чём шепчут неугомонные волны, сонно всплывая на берег.

Гóры, порóсшие деревьями, урóдливо изóгнутыми норд-óстом¹, рёзкими взмáхами пóдняли свой вершiны в сiнюю пустыню над ними, сурóвые кóнтуры их округлились, одётые тёплой и лáсковой мглой южной нóчи.

Гóры вáжно задумчивы. С них на пышные зеленóватые грёбни волн упáли чёрные тéни и одева́ют их, как бы желáя остано́вить едiнственное дви́жение, заглуши́ть немóлчный плеск воды и вздо́хи пёны — все звúки, котóрые нарушáют тáйную тишинú, разли́тую вокрúг вмéсте с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за гóрными вершiнами.

— А-ала-ах-а-акбáр!.. — тiхо вздыхáет Надýр-Рагiм-оглы́, стáрый крýмский чабáн, высóкий, седóй, сожжённый южным солнцем, сухой и мýдрый старiк.

Мы с ним лежiм на песке́ у грома́дного кáмня, оторвáвшегося от родной гóры, одётого тёнью, порóсшего мхом, — у кáмня печáльного, хмýрого. На тот бок егó, котóрый обращён к мóрю, вóлны набросáли тiны, вóдорослей, и обвёшанный ими кáмень кáжется привязанным к úзкой песчáной полóске, отделяющей мóре от гор. Пла́мя нáшего кострá освещáет егó со стороны́, обращённой к горé, онó вздрáгивает, и по стáрому кáмню, изрёзанному чáстой сётью глубóких трéщин, бéгают тéни.

Мы с Рагiмом вáрим ухú из тóлько что наловленнóй ры́бы и óба находимся в том настроéнии, когдá всё кáжется прозрачным, одухотворённóм, позволяю-

¹ Норд-óст — се́веро-востóчный вéтер.

щим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плёска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный богу человек идёт в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он — вот в этой пёне... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Тёмное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нём появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льёт свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе всё уж рассказывал... Больше не знаю...

Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагím.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом¹, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

«Высоко в небе сияло солнце, а горы зноём дышали в небо, и бились волны вниз о камень...

«А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

«Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердце воя.

«Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокol с разбитой грудью, в крови на перьях...

«С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твёрдый камень...

«Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты.

«Подполз он ближе к разбитой птице, и прошипел он ей прямо в очи:

«— Что, умираешь?

«— Да, умираю! — ответил Сокol, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

«— Ну что же — небо? — пустое место... Как

¹ Речитатив — напевная речь.

мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

«Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни¹.

«И так подумал: «Летай иль ползай, конец извѣстен: все в землю лягут, всё прахом будет...»²

«Но Сокol смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

«Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью.

«И крикнул Сокol с тоской и болью, собрав все силы:

«— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей кровью!.. О, счастье битвы!..

«А Уж подумал: «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

«И предложил он свободной птице: «А ты подвись на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и проживёшь ты ещё немного в твоей стихии»³.

«И дрогнул Сокol и, гордо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

«И подошёл он, расправил крылья, вдохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

«И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

¹ Бредни — странные, непонятные мысли.

² Всё прахом будет — всё превратится в ничто.

³ В твоей стихии — в привычном для тебя мире.

«Волна́ потока его схвати́ла и, кровь омывши, одела в пёну, умчала в море.

«А волны моря с печальным рёвом о камень бились... И трупа птицы не видно было в морском пространстве...

II

«В ущелье лёжа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

«И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

«— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

«Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул¹ в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

«Рождённый ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмехался...

«— Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою не-

¹ Прынул — взлетел, поднялся.

гóдность для дéла жízни? Смешные птíцы!.. Но не обмáнут тепёрь уж бóльше меня их рéчи! Я сам всё зная́! Я — ви́дел не́бо... Взлетáл в него́ я, его́ изме́рил, позна́л падéнье, но не разби́лся, а то́лько крèпче в себя́ я ве́рю. Пусть те, что зéмлю любíть не мóгут, живу́т обмáном. Я зная́ прáвду. И их призы́вам я не пове́рю. Землí творéнье — землём живу́ я.

«И он сверну́лся в клубóк на кáмне, гордя́сь собо́ю.

«Блестéло мо́ре, всё в я́рком свéте, и грóзно во́лны о бе́рег бíлись.

«В их льви́ном рёве гремéла пéсня о гóрдой птíце, дрожа́ли ска́лы от их уда́ров, дрожа́ло не́бо от грóзной пéсни:

«Безу́мству хра́брых поём мы сла́ву!

«Безу́мство хра́брых — вот му́дрость жízни! О сме́лый Со́кол! В бою́ с врага́ми истёк ты кро́вью... Но бу́дет вре́мя — и ка́пли кро́ви твоёй горя́чей, как йскры, вспыхнут во мра́ке жízни и мно́го сме́лых серде́ц зажгу́т безу́мной жа́ждой свобо́ды, свéта!

«Пуска́й ты у́мер!.. Но в пéсне сме́лых и си́льных ду́хом всегда́ ты бу́дешь живы́м приме́ром, призы́вом гóрдым к свобо́де, к свéту!

«Безу́мству хра́брых поём мы пéсню!..»

...Молчи́т опа́ловая даль мо́ря, певуче плéщут во́лны на песо́к, и я молчу́, глядя́ в даль мо́ря. На воде́ всё бóльше сере́бряных пятен от лу́нных лучей... Наш котелóк тíхо закипа́ет.

Одна́ из волн игри́во вска́тывается на бе́рег и, вызыва́юще шумя́, ползёт к голове́ Раги́ма.

— Куда идёшь?.. Пшла! — машет на неё Рагím рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нима́ло не смешна́ и не страшна́ вы́ходка Рагíма, одухотворяющего во́лны. Всё круго́м смóтрит страна́но живо, мягко, ла́сково. Мо́ре так внуши́тельно споко́йно, и чу́ствуется, что в све́жем дыха́нии его́ на го́ры, ещё не осты́вшие от дневно́го зно́я, скры́то мно́го мо́щной, сде́ржанной си́лы. По те́мно-си́нему не́бу золоты́м узо́ром звёзд напи́сано не́что торже́ственное, чару́ющее ду́шу, смуща́ющее ум сла́дким ожида́нием како́го-то открове́ния.

Всё дре́млет, но дре́млет напря́женно чу́тко, и ка́жется, что вот в сле́дующую секунду всё востре́петнет и зазвучи́т в стро́йной гармо́нии неизъясни́мо сла́дких зву́ков. Эти зву́ки расска́жут про та́йны ми́ра, разъяснят их уму́, а пото́м погасят его́, как призра́чный огонёк, и увлеку́т с собо́й ду́шу вы́соко в те́мно-си́нюю бе́здну, откуда навстре́чу ей трéпетные узо́ры звёзд то́же зазвуча́т дивно́й му́зыкой открове́ния...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пёсня о Буревёстнике</i>	<i>3</i>
<i>Пёсня о Сóколе</i>	<i>7</i>

Обложка Г. НИКОЛЬСКОГО

Для восьмилетней школы

М. Горький

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

ИБ № 3375

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *Т. М. Токарева*. Технический редактор *Н. Ю. Крапоткина*. Корректор *Н. Г. Худякова*. Сдано в набор 2.04.79. Подписано к печати 12.07.79. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 1. Шрифт литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 1. Уч.-изд. л. 0,63. Тираж 300 000 экз. Заказ № 4686. Цена 5 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Рослав-полиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Горький М.

Г71 Песня о Буревестнике. Песня о Соколе/ Рис. Ю. Рейнера.— М.: Дет. лит., 1979.— 15 с., ил. (Школьная б-ка для нерусск. школ).

5 к.

В книгу вошли два романтических произведения Горького: «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе».

Г $\frac{70803-383}{M101(03)79}$ 435—79

P2

Сканирование - *Беспалов, Николаева*
DjVu-кодирование - *Беспалов*

5 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. Горький

Песня
о Буревестнике

2

